

А.А. ШЛЯХОВАЯ, Р.А. ДОХОВ

ДВОРУЛИЦА:**ПЕРЕЗАПУСК ПЕРИФЕРИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА**

Шляхова Алена Александровна, куратор проекта «Дворулица», исследовательская программа бюро «Меганом»; Российская Федерация, 119072, Москва, Берсеневский пер., д. 5А, стр. 1.

E-mail: shlyakhovayaa@gmail.com

Дохов Руслан Ахмедович, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, R&D Lead в Habidatum; Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1.

E-mail: ruslan.dokhov@habidatum.com

Постсоциалистические города нуждаются в инструменте работы с планировочной структурой, доставшейся им со времен социализма. Положение полупериферийных жилых районов (в том числе микрорайонных территорий, территорий, застроенных по принципам свободной планировки) между джентрифицируемым центром и активно растущими пригородами обостряет необходимость новой стратегии их развития. В настоящей статье рассматривается мягкая (бесконфликтная) методика трансформации существующих жилых районов и создания в них сети пешеходных связей – дворулиц. Такое планировочное преобразование позволяет организовать рыхлые пространства микрорайонов, увеличить пешеходную связанность и проницаемость территории города, открывая возможности для развития новой городской экономики.

Ключевые слова: дворулица; постсоциалистический город; постсоциализм; экономика города; городская морфология; городское планирование.

Цитирование: Шляхова А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города // Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp31201840-62>

Введение: «комфортная городская среда» и естественное разнообразие

Сегодня понимание того, какой город считается удобным для жизни, во многом подчинено определенному стандарту, требующему, чтобы по улицам приятно было ходить пешком, на площадях кипела жизнь и на каждом углу можно было бы выпить капучино [Кормье, 2013]. Культ такого стандарта — культ центра — формирует предвзятое отношение к иным типам городских сред и с трудом признает возможность других видов городского образа жизни [Оже, 2017]. В то же время образ «традиционного» города, поддерживаемый культом, предполагает сосуществование разных типов пространств, рассчитанных на множество способов времяпрепровождения. Система различных по своим предназначениям и свойствам пространств дает возможность общественной жизни города состояться на множестве различных уровней [Гутнов, Глазычев, 1990].

Понимание самой сути общественных пространств сегодня претерпевает изменения. Программы благоустройства как одно из средств достижения идеала призваны приближать мегаполисы к известному образу liveable city, вместе с тем, к сожалению, часто размывая идентичность городских сред и сокращая огромное разнообразие сценариев поведения в городе. Стремление сделать открытые городские пространства насыщенными и привлекательными для всех нередко превращает их в слишком людные и небезопасные. Такие места начинают восприниматься скорее как неудобные и нежелательные, а со временем могут прийти к маргинализации и упадку.

Образ(ы) публичного пространства сегодня

Идею трансформации «публичности» и изменений в восприятии жителями крупных городов общественных пространств, возникшую еще в начале XX в., и сегодня продолжают развивать социологи и философы. Один из ранних примеров — эссе об отчужденности в городе, написанное Г. Зиммелем [2002] в 1903 г. Значительно позже, в Америке 1960-х, роль эмоциональной связи человека с городским пространством стала одной из важных тем для книг К. Линча [1982], Дж. Джекобс [2011] и Р. Сеннета [2016]. В разговорах о городской среде сегодня не обойтись без термина *placemaking* (создание мест) [Schneekloth, Shibley, 1995], приверженцы которого предлагают наделять городские места индивидуальным значением и понимают место (*place*) как материализованную в конкретной локации общественную память. Вместе с тем все чаще встречаются рассуждения о том, что статичное городское место теряет свою актуальность, а возможность движения становится первостепенной ценностью для современного мобильного горожанина [Урри, 2012]. Этим, возможно, объясняется и нежелание общаться, испытываемое в тесных, переполненных людьми городских пространствах [Панченков, 2012].

Рассуждения о невозможности возникновения общения в открытом, людном и просматриваемом пространстве встречаются и в «Падении публичного человека» Р. Сеннета [2002]. Одним из необходимых условий общительности он называет возможность человека дистанцироваться от персонального наблюдения со стороны и наличие ощутимых преград между собой и другими, то есть некую долю приватности в общем городском пространстве, за отсутствие которой часто критикуют районы свободной планировки и массового жилого строительства. Уже в 1980-х годах советские архитекторы и теоретики средового подхода писали [Гутнов, Глазычев, 1990] о необходимости восстановления в городской среде пространственных переходов от личного к всеобщему. О неспособности всеобщего (общедоступного) пространства породить социальное взаимодействие сегодня говорит и философ Б. Гройс [2012].

Тем не менее идея современного благоустройства по-прежнему подчинена определенному стандарту успешного общественного пространства: оно должно быть заполнено кафе и магазинами, а магазины, в свою очередь, людьми [Кормье, 2013]. Иллюстрацией унифицированной оценки служат бесчисленные рейтинги «самых удобных для жизни» [The world's most liveable cities, 2016], «самых пешеходных» [The 10 most walkable cities..., 2017], «самых лучших для жизни» [The world's 10 best cities..., 2017] городов. Преобразования городских общественных пространств начинаются, как правило, с центральных районов, что нередко усиливает разрыв между качеством среды центра и окраин. Территории жилых районов, неизбежно составляющие большую часть тела крупных городов, продолжают оставаться разобщенными и неосмысленными, несмотря на то, что именно эта повседневная среда определяет качество жизни большей части городского населения. Их критика происходит в терминах культа центра и не признает самостоятельной ценности повседневной жилой среды.

Особенности постсоциалистических трансформаций городской среды

Исследователи [Hirt, 2012] выделяют пять основных особенностей социалистического города по сравнению с капиталистическим:

- 1) компактная пространственная структура (отсутствие одноэтажных пригородов и наличие панельных многоэтажных жилых районов);
- 2) неэкономичное использование пространства (неоправданно больше публичные здания);
- 3) излишняя обеспеченность административными и производственными функциями при сильном недостатке торговых (в 1990 г. в Москве на душу населения приходилось в 3 раза меньше торговых площадей, чем в Берлине [Tosics, 2005]);
- 4) пониженное социальное разнообразие и слабая сегрегация [Kulu, 2003];
- 5) крайняя строгость и обезличенность типовых архитектурных решений, недостаток разнообразия планировок и стилей [Sxelenyi, 1996].

Анализируя постсоциалистические трансформации городов Центральной и Восточной Европы, исследователи [Stanilov, 2007] акцентируют внимание на особой роли планировоч-

ной (микрорайонной) структуры, разительно отличающейся по своему влиянию на городские социальные процессы от западноевропейской. Созданные в расчете на директивное распределение объектов сферы услуг города по-разному адаптировались к капиталистической экономике, и важную роль в вероятности успеха играла адаптация стратегий к особенностям городской среды [Häussermann, 1996], ключевым процессом которых была приватизация зданий и земли.

Л. Сикора и С. Бузаровски [Sýkora, Bouzarovski, 2012] выделяют три последовательных трансформации, преобразивших постсоциалистические города Восточной Европы:

- институциональная (выборные власти, приватизация, либерализация цен на недвижимость и землю);
- социальная (интернационализация, перестройка структуры экономики, рост имущественного расслоения, культурный постмодерн, неолиберальные городские политики);
- городская (коммерциализация центров городов, регенерация старых кварталов, субурбанизация пригородов).

Полнота выполнения каждого этапа влияет на эффективность дальнейшего процесса преобразования «городской фабрики».

Исследователи отмечают неравномерность процесса постсоциалистической трансформации даже в пределах Москвы. Если масштабная джентрификация привела к элитизации центра [Badyina, Golubchikov, 2005; Махрова, Татаринцева, 2006], то периферийные районы остаются неинвестированными, исключая концентрацию крупных торговых центров в прилегающей к МКАД полосе [Rudolph, Brade, 2005]. Опережающий рост ближайших пригородов города [Golubchikov, Phelps, 2011] дополнительно усиливает негативные эффекты районов внутренней периферии между ТТК и МКАД. Возникают представления [Каганский, 2018] об этой зоне как о «внутренней колонии» Москвы, вовсе не обладающей чертами города, хотя и имеющей потенциал к развитию центральных функций. Вместе с тем авторы констатируют переход Москвы де-факто к неолиберальной городской политике [Büdenbender, Zupan, 2017; Махрова, Голубчиков, 2012], сосредоточенной на достижении экономической эффективности города без оглядки на возможные социальные последствия.

Периферия Москвы как постсоциалистический объект.

Основные вызовы

Вопрос преобразований уже сложившихся жилых районов касается множества городов, где имела место «свободная планировка», застройка по микрорайонному принципу или применение укрупненных строительных кварталов. Москва — не исключение.

Ряд исследований московской периферии¹, среди которых «Механика Москвы» [Пузанов, Степанцов, 2015], «Археология периферии» [2013], позволили не только выявить масштаб и значимость окраинных районов для города, но и четко сформулировать их особенности и проблемы.

Связанность

Доля дорог и проездов в общей массе городских территорий за пределами Садового кольца составляет около 14%, за границей ТТК — всего 6% против необходимых 20–30% (рис. 1). Абсолютное большинство этих и без того недостаточных связей сложно назвать «улицами» в значении пространства для человека и общественной жизни [Гутнов, Глазычев, 1990]. Часто слишком крупный масштаб дорог и приоритет автомобильного движения мешают им стать пространствами коммуникации, а прерывистый и не приспособленный для использования фронт еще сильнее отдаляет от статуса «улицы» [Улица: транзитная зона..., 2015]. Это приводит к крайне низкой пешеходной связанности и мешает цельности и непрерывности в осознании города.

¹ Здесь и далее под периферией Москвы подразумевается вся территория города между ТТК и МКАД. Московская периферия в таких границах занимает 90,4% площади города, там проживает около 90% населения Москвы.

Низкая плотность улично-дорожной сети на периферии провоцирует и низкую плотность распределения потенциальных публичных пространств, если понимать под этим улицы и низлежащие на них площади, скверы и «третьи места». Вдобавок недостаточное количество улиц за пределами Садового кольца означает и отсутствие активного уличного фронта на большей части территории города.

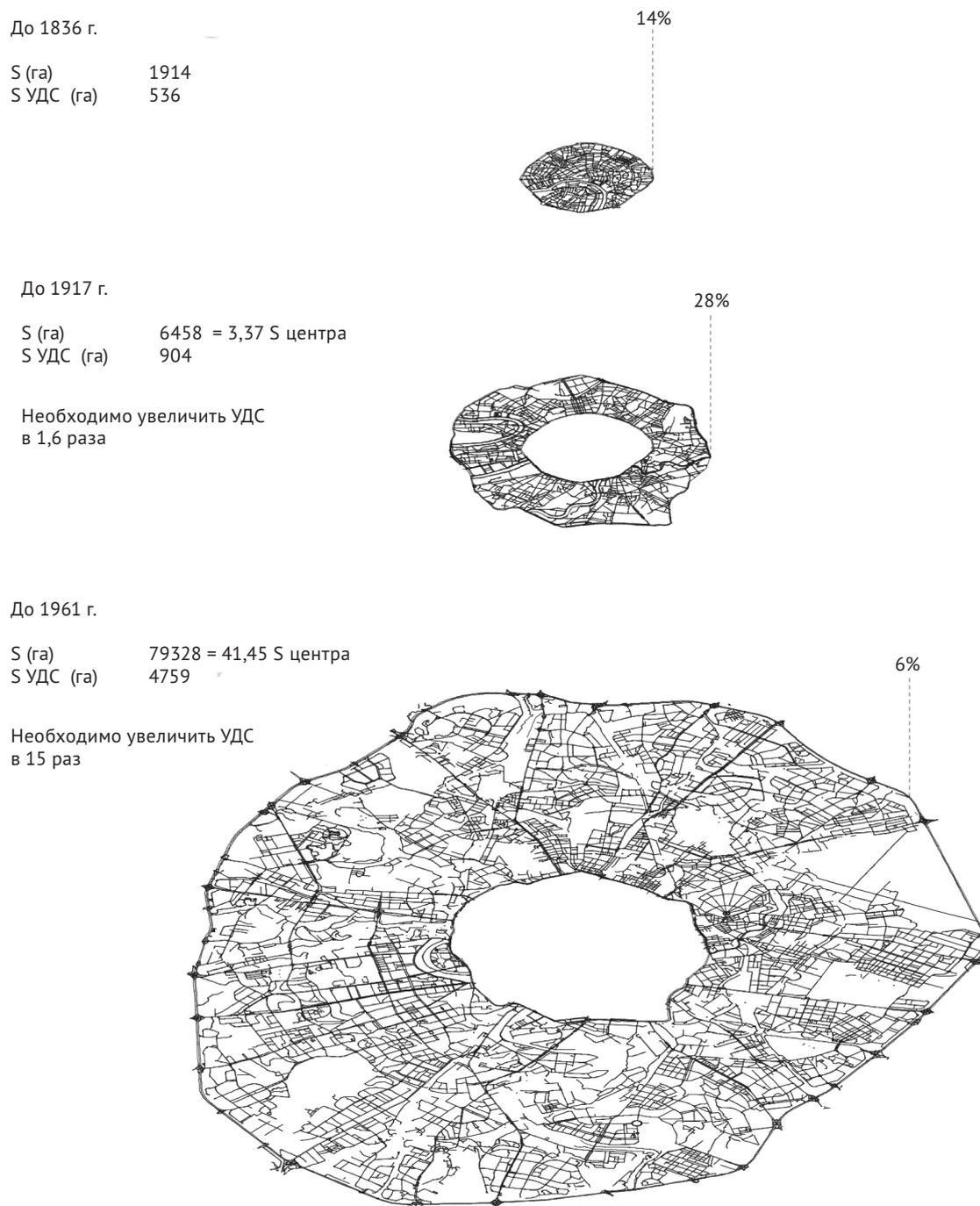

Рис. 1. Плотность улично-дорожной сети Москвы

Источник: составлено А.А. Шляховой по: [Старая Москва. Инвентаризация..., 2011].

Рыхлость

Ситуация усугубляется характером застройки. Ткань московской периферии состоит из крупных градостроительных единиц, намного превышающих по размеру кварталы² центральной части города (рис. 2). Кварталы периферии отличаются низкой плотностью застройки и слабо считываемой пешеходом структурой внутреннего пространства³: дома нарочито уведены от пешеходных и автомобильных артерий, заслонены зелеными насаждениями, отсутствуют ярко выраженные улицы с первыми этажами, занятыми торговыми и социальными функциями, точки торговли и услуг рассеяны по территории слишком большого квартала и визуально изолированы. Все это затрудняет потенциальным клиентам поиск нужных им магазинов или пунктов услуг (eye traffic) и лишает малый и средний бизнес возможности получить необходимый по объему поток клиентов, а значит, быть жизнеспособным [Косарева и др., 2013]. Все это приводит к низкой функциональной и событийной насыщенности жилой среды.

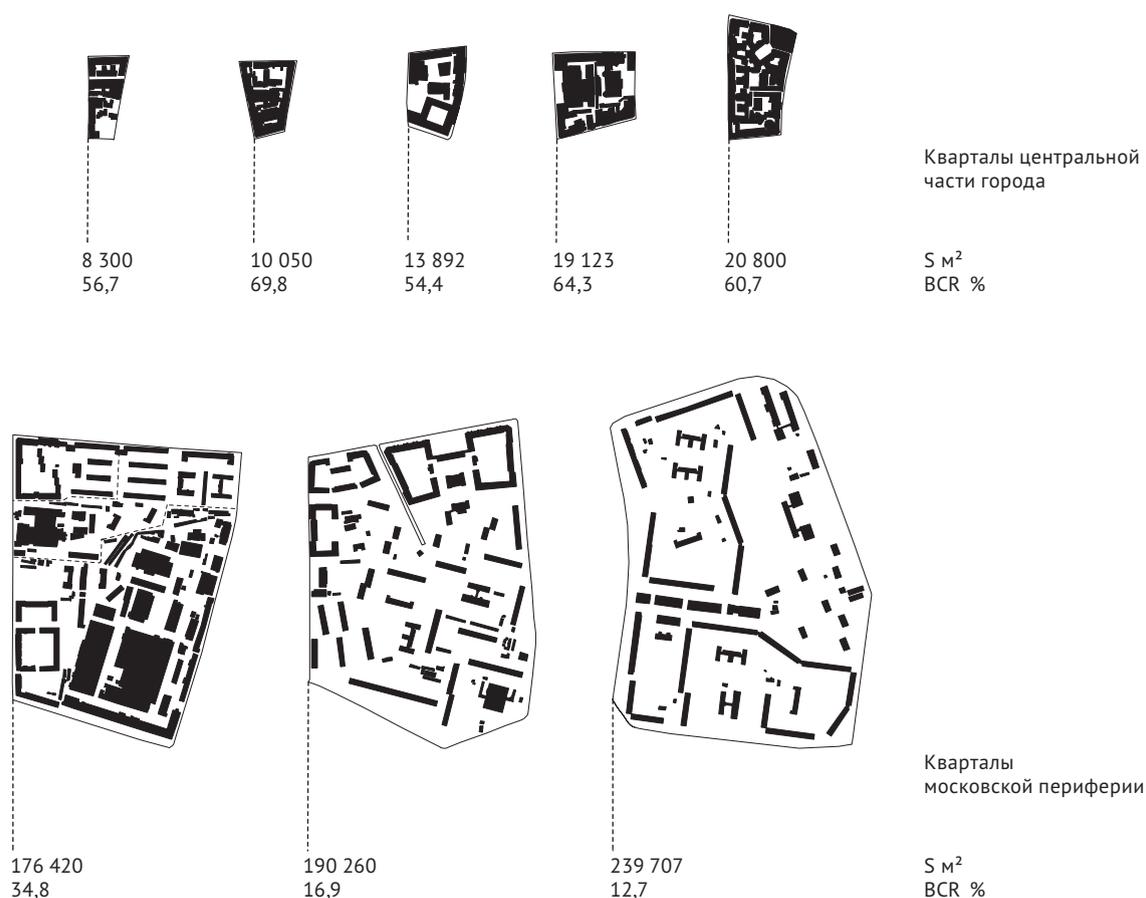

Рис. 2. Габариты и плотность застройки кварталов: центральная часть города и московская периферия

Источник: составлено А.А. Шляховой.

Другое следствие неструктурированности внутреннего пространства жилых кварталов за пределами центра — отсутствие внятных границ между публичной и приватной, частной и

- Здесь и далее в тексте под кварталами будут пониматься все участки городской ткани, находящиеся в замкнутом контуре улично-дорожной сети, ограниченные установленными на сегодня красными линиями, железнодорожными путями или естественными границами.
- Сложность ориентации в свободной планировке города-парка стала явной еще в 1980-е годы, в момент активного строительства жилых микрорайонов по всему СССР. Проект городского оборудования для тбилисского микрорайона Дигоми-7 — одна из немногих попыток исправить ситуацию [Азрикан, Беккер, 1986].

общественной зонами. Неразмежеванность участков в городе приводит к отсутствию базы для налога на землю, что затрудняет создание механизма, позволяющего городскому бюджету усваивать ренту [Косарева и др., 2013]. Рыхлое и гомогенное пространство окраин воспринимается преимущественно как «ничье», что негативно сказывается на качестве городской среды и приводит либо к запустению и запущенности открытого пространства, либо к часто разрушительным случаям точечного уплотнения [Shoshin, 2010].

Дисбалансы

Еще одной важной особенностью Москвы является огромный дисбаланс в распределении населения, социальной и коммерческой инфраструктуры по территории города. Площадь исторического центра, ограниченного Садовым кольцом, составляет около 5% площади Москвы, остальные 95% — жилые районы, в среднем в 3 раза менее обеспеченные розничными услугами [Косарева и др., 2013]. Здесь проживает около 90% горожан, 63% — редко выезжают в центр чаще одного раза в неделю [Новиков и др., 2013], вероятно потому, что, как молодые семьи с маленькими детьми, не испытывают потребности в его сверхнасыщенной среде или, как пенсионеры и школьники, не всегда могут или хотят покинуть пределы своего района. Это означает, что около 8 млн москвичей почти все свое время проводят в среде, не до конца отвечающей их потребностям и не совсем приспособленной для комфортной повседневной жизни. Рыхлость, недостаточная связанность и следующие за ними дисбалансы затрудняют возникновение на окраинах города общественной жизни, что лишь увеличивает разрыв в значимости периферии и центра для горожан [Habidatum, 2014].

Масштаб и чувство причастности

Другая важная причина неспособности открытых пространств за пределами центра стать аккумулятором социальных связей — масштаб. Слишком большие проспекты и площади хорошо подходят для демонстраций, но не могут стать местами активной коммуникации [Гутнов, Глазычев, 1990; Утехин, 2013]. Чрезмерный простор и «ничейность» пространства периферии препятствуют развитию у горожан чувства причастности к месту своей повседневной жизни.

Значимость размера и исключительного содержания городского «места» хорошо раскрывается еще в фильме Уильяма Уайта [White, 1980], ставшего итогом длительного проекта по изучению социальной жизни небольших городских пространств. А. Гутнов [1984] рассуждал о нехватке и необходимости в городе интимных, наполненных конкретным социальным содержанием, индивидуализированных пространств на примере типовых жилых районов Москвы. Тем же проблемам посвящен ряд более современных исследований по когнитивной урбанистике и сценарному проектированию городской среды [Крашенинников, 2014; 2017].

Появление сегодня таких организаций, как «Соседские центры», актуализация идеи комьюнити и добрососедства, появление агрегатора гиперлокальных новостей [Яндекс.Район] говорят о необходимости для современного горожанина присвоить себе какую-либо часть городского пространства. Это кажется актуальным и для жителей центра Москвы, и для жителей ее окраин: первые утратили связь с городом из-за постоянного присутствия в потоке огромного числа нерезидентов [Пузанов, Степанцов, 2015], другие не могут выстроить эмоциональную связь с необъятным и неосвоенным пространством города-парка.

Ветшание

Помимо спорных пространственных характеристик жилой среды за пределами центра, важной причиной для беспокойства сегодня является и качество самих зданий. Многие типовые серии жилых домов изначально не были рассчитаны на срок службы более 50 лет, и хотя при качественном обслуживании и своевременном ремонте срок их эксплуатации может быть значительно продлен, некоторые здания сегодня уже приходят в негодность (рис. 3).

Масштабы почти единовременного строительства типового жилья по всей территории города огромны. Сегодня в Москве насчитывается более 9 тыс. пятиэтажек — это около 14% жилого фонда города, а в других российских городах — до 40% [SmartLoc, 2017]. Абсолютное

большинство остальных зданий — типовые дома более поздних серий, также объединенные общим сроком годности. Проблема износа тела города уже стоит довольно остро, но принимаемые решения кажутся слишком поспешными и грубыми по отношению к сложившейся жилой среде, горожанам, городской истории и памяти.

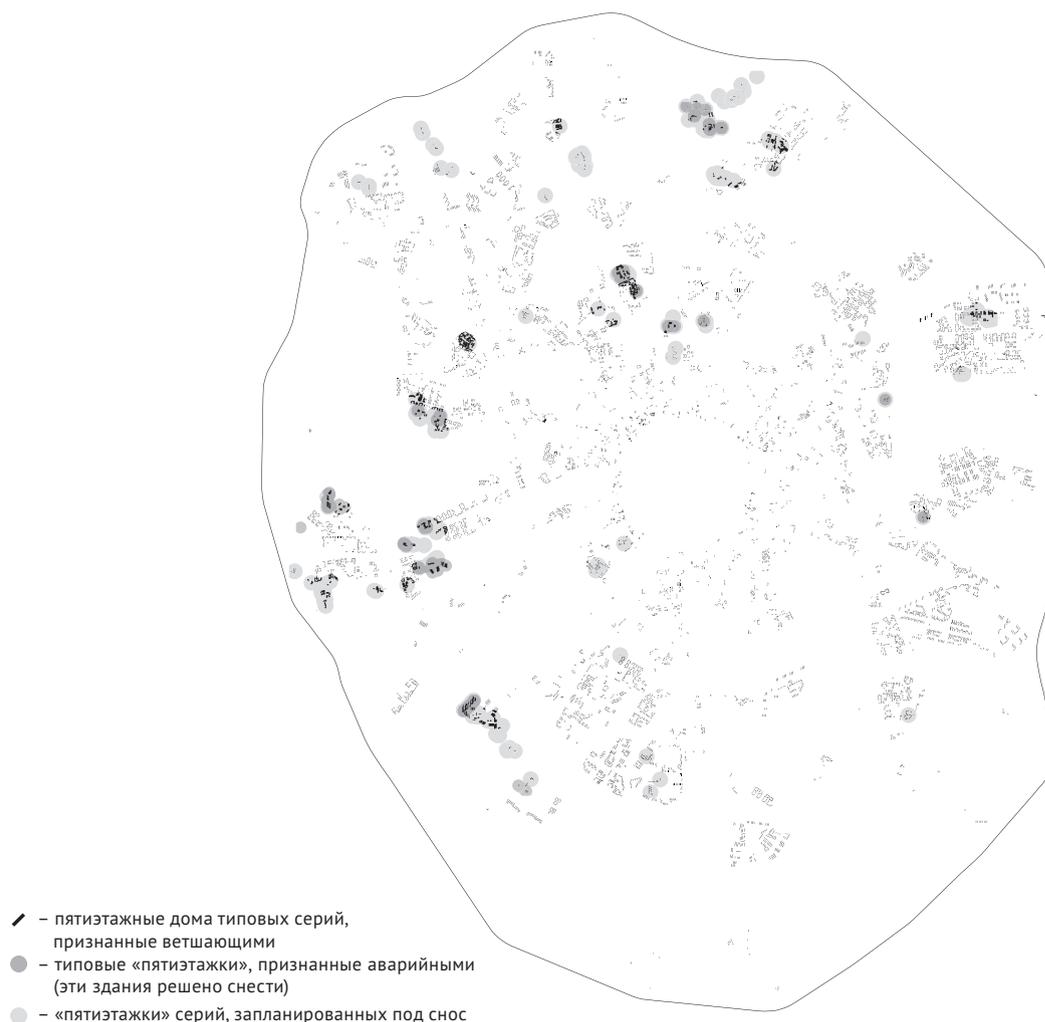

Рис. 3. Ветшание периферии

Источник: составлено А.А. Шляховой на основе данных <http://maxim.nextgis.com/resource/644/display>

Скрытый потенциал свободного пространства

С другой стороны, именно в низкой плотности, рыхлой структуре жилого пространства и в обилии свободной земли периферийных районов заключается их невероятный потенциал стать по-своему ценной частью среды мегаполиса — местом комфортной повседневной жизни⁴. Низкая плотность улиц и дорог компенсируется образованием внутри больших

4 «Помню, как, прожив несколько лет в благостном и ненасильственном Беляево, застроенном 9-этажными бетонными монстрами, решил я ознакомить своего пятилетнего сына с истинными красотами городского строительства и архитектуры. То есть с историческим центром святой Москвы. Ну доехали. Походили. Посмотрели. Неосмысленный ребенок и говорит мне:
— Поедем назад к нам, в Беляево. Здесь так тесно и страшно. А у нас светло и просторно. Вот вам и вся архитектура с ее претензиями и амбициями» [Пригов, 2007, с. 125].

и рыхлых градостроительных единиц множества пешеходных тропинок, полусекретных проходов (рис. 4).

Невидимые транзитные пути, скрытые в жилой среде, и обилие «ничейной» (свободной) земли — это ресурс для возникновения на всей территории периферии новых пространственных связей. Сартитулированные, хорошо считываемые в городском пространстве, эти маршруты могли бы обеспечить связность разрозненной ткани города и свободу движения горожан, структурировать городское пространство, облегчая ориентацию в нем и разграничивая пространства разной степени публичности и приватности. Упорядочивание пешеходных потоков способно стимулировать появление новых общественных пространств и развитие инфраструктуры вдоль проявленных маршрутов, насыщая и качественно уплотняя жилую среду.

Особый потенциал к проявлению таких связей кроется в переходной зоне между микрорайонами окраин и квартальной застройкой центра — в «буферной зоне» (рис. 5). Она состоит из особенных единиц — крупных кварталов, сформировавшихся в ходе круговорота и наслоения различных градостроительных подходов. Эти образования отличаются периметральной застройкой, которая была предусмотрена генеральными планами реконструкции города (например, [Перспективный план..., 1954]), но осуществилась в большинстве случаев не до конца. Беспорядочно достроенные более поздними планировочными моделями кварталы сохранили немало следов начатых, но заброшенных или забытых улиц (рис. 6). Их пестрота и противоречивость хранят огромную энергию для преобразований. Далее такие кварталы будут называться гиперкварталами.

Организация и особенности застройки гиперкварталов делают невозможным образование здесь привычной улицы (рис. 9): в рыхлой жилой среде маршруты не имеют ясной считываемости, выраженного фронта и цельности, первые этажи зданий почти всегда не предназначены для общественного использования, необходимого, чтобы сделать потенциальную улицу безопасной и способной вмещать взаимодействие. К тому же ориентация подъездов и разомкнутость жилых дворов затрудняют создание в такой среде известных типов городских общественных пространств без ущерба для сложившейся атмосферы покоя. Создание привычной улицы в существующих границах квартала может быть слишком дорогим, длительным и насильственным по отношению к сложившейся жилой среде с ее детскими площадками, спортивными коробками, дворами, пусть и не оформленными архитектурно. Как и любое жилое пространство, периферия наполнена множеством субъективных смыслов и личных переживаний. У такой среды есть свой образ, ценность и значимость. Окраины по-своему романтичны.

Преобразование столь сложной, многогранной и во многом неопределенной среды требует аккуратности и даже избирательности, мягких действий, локального подхода и особой типологии пространственных интервенций, совмещающих в себе очень противоречивые черты.

И двор, и улица — новая типология пространственных интервенций

Масштаб и форма: и транзит, и место

Масштаб, форма и степень открытости-замкнутости городского пространства влияют на наши чувства защищенности и причастности к месту. Работая с этими параметрами, мы можем создавать уютные, более укромные или, напротив, более доступные общему взгляду места. Пространство, необходимое и способное возникнуть в сложившейся среде жилых районов, — скорее камерное: небольшой масштаб, соизмеримые с человеческим телом пропорции. Такое пространство не обязательно маленькое, но взамен может иметь сложную форму и выраженное зонирование. Важно, что ни в одной отдельной его точке человек не может заблудиться, ощутить себя окруженным слишком большой бессодержательной пустотой [Гутнов, Глазычев, 1990].

Необходимое новое пространство не только статично: это не просто городское место, но и транзит. Люди все реже собираются в городах в тех или иных статичных местах — вместо этого они движутся сквозь них [Панченков, 2012]. Мы наделяем какое-либо пространство смыслом все чаще постольку, поскольку оно связывает друг с другом другие места.

Карта включает:

- трассы федерального значения	- улицы
- трассы районного значения	- улицы, отмеченные знаком «жилая зона»
- трассы областного значения	- ремонтируемые проезды
- трассы регионального значения	- гоночные трассы
- автомагистрали	- проезды неизвестного типа
- улицы местного значения	

© Участники OpenStreetMap

1) официальная улично-дорожная сеть города

Карта включает:

- официальную улично-дорожную сеть
- сеть служебных проездов
- сеть пешеходных маршрутов

© Участники OpenStreetMap

2) Официальная УДС, служебные проезды и пешеходные маршруты

Рис. 4. Пространственные связи Москвы

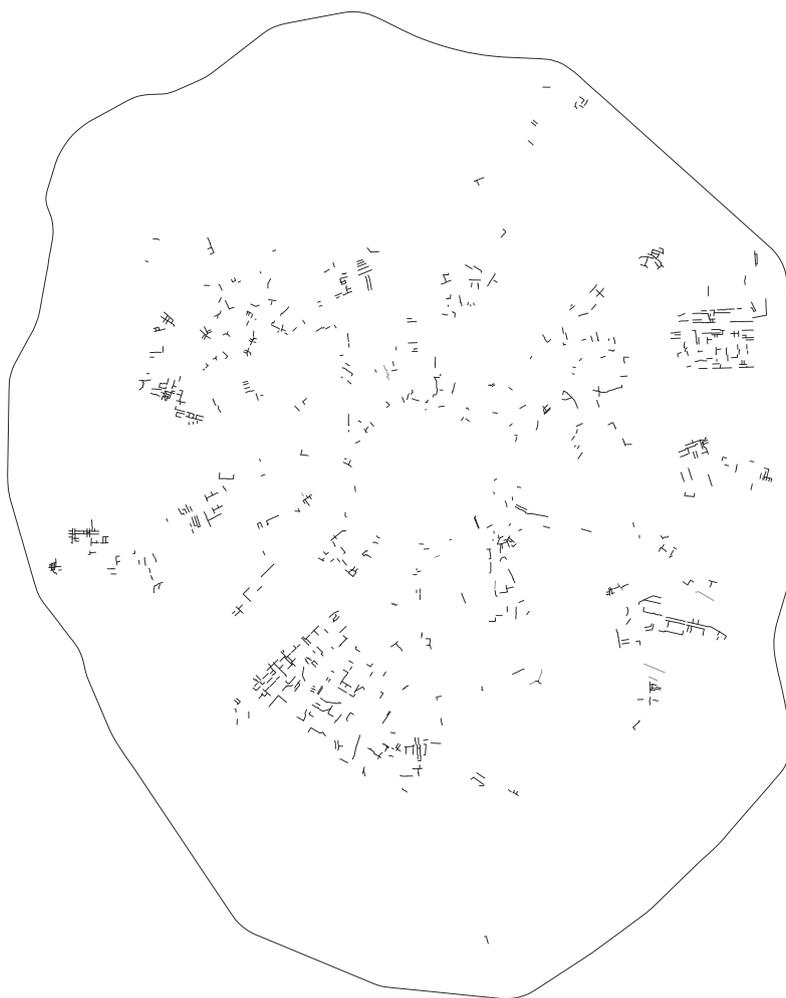
Источник: составлено А.А. Шляховой на основе данных Open Street Map. 16.06.2017 (openstreetmap.org).

Дизайн: и архитектура, и ландшафт

Привлекательным для отдыха и свободного времяпрепровождения, вызывающим доверие и расслабленность, и за счет этого способным стимулировать общение может быть место, дающее ощущение безопасности. Чувство защищенности в открытом пространстве, в свою очередь, напрямую коррелирует с его «осмысленностью», «освоенностью» и «благоустроенностью».

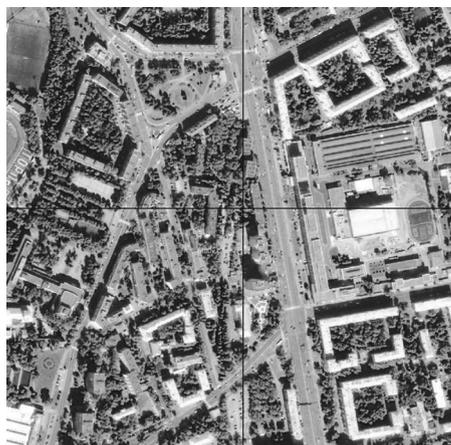
Фактическая безопасность во многом обеспечивается просматриваемостью, постоянным наличием наблюдателей и дизайном самой среды (яркий пример — освещение). Просматриваемость и наблюдение должны быть заметны и двусторонне направлены: скрытые камеры и системы слежения не в счет: мы хотим видеть тех, кто видит нас, но не стоит забывать о возможности уединиться и быть недостижимым для пристального рассматривания. Таким пространством может быть небольшой зеленый сквер, отдаленный от крупных и шумных улиц, как, например, Морозовский сад и недавно открывшийся сквер в Большом Спасоглинищевском переулке.

Осмысленность, освоенность и благоустройство не должны воплощаться в тотальном дизайне внутреннего пространства квартала. Простор, природа и отсутствие навязчивой детализировки — ценные свойства жилой среды московской периферии. Работать с таким пространством важно не только средствами архитектуры, но и ландшафта, местами позволяя ему оставаться почти диким.

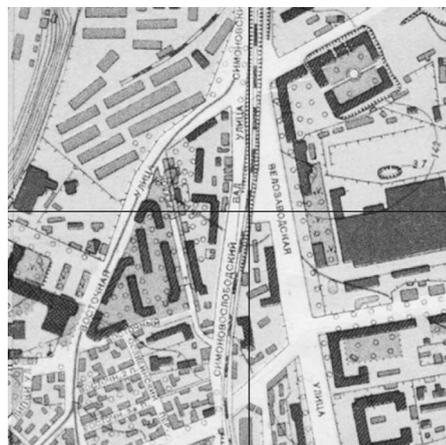

1) Забытые и недостроенные улицы, обнаруженные в жилой застройке, в границах существующих красных линий*

* Над картой работал А. Снетков.

2016

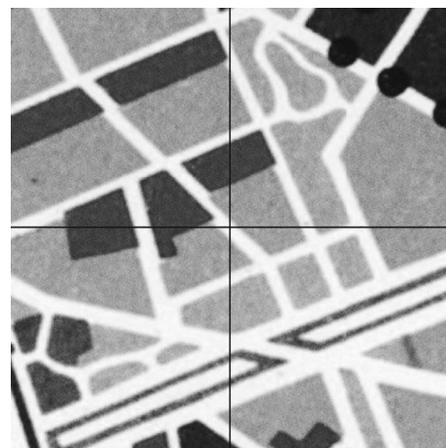

1952

ул. Симоновослободский Вал (сегодня: не достроен)

2016

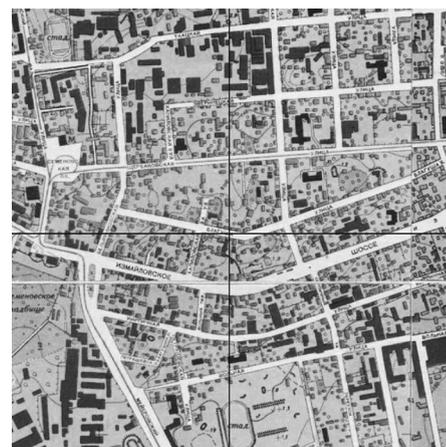

1952

2-й Саратовский проезд (сегодня: не достроен)

2016

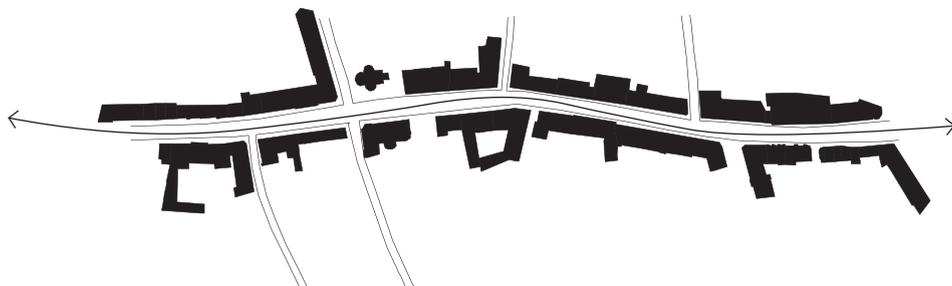
1952

ул. Благуша (сегодня: утрачена)

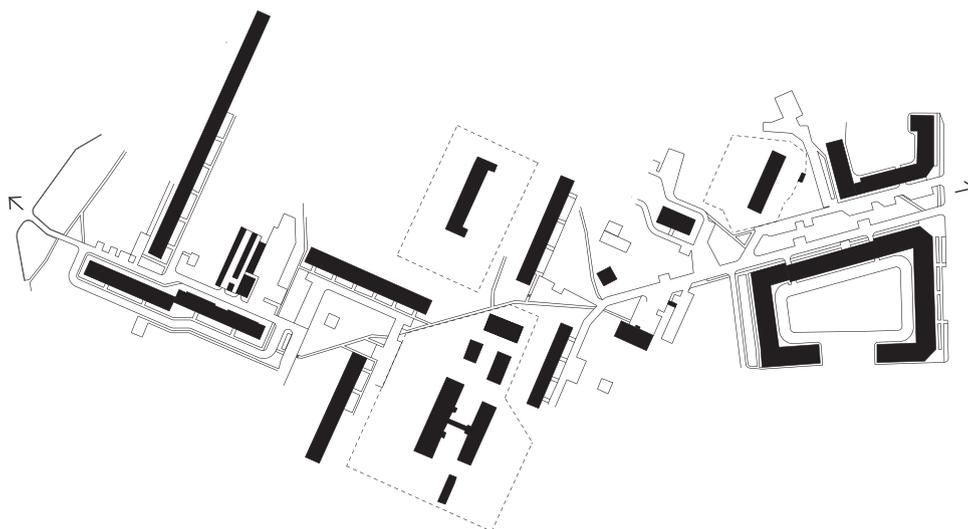
2) Примеры недостроенных или забытых улиц Москвы

Рис. 5. Следы идей

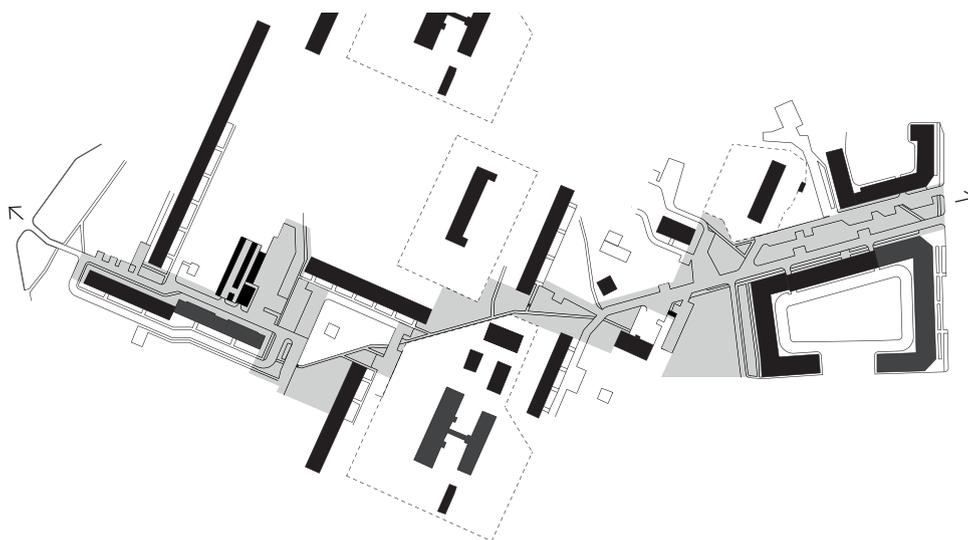
Источник: составлено А.А. Шляховой на основе данных www.retromap.ru

Пример улицы центра Москвы

Пешеходный маршрут в одном из гиперкварталов

Территория возможной новой улицы

Рис. 6. Сравнение очертаний привычной и возможной новой улицы

Источник: составлено А.А. Шляховой.

Намеренно оставлять фрагменты пространств нетронутыми значит все же придавать им определенное значение — осмысливать и придавать статус, очерчивая их контуры и границы.

Содержание: не разделяет, а связывает

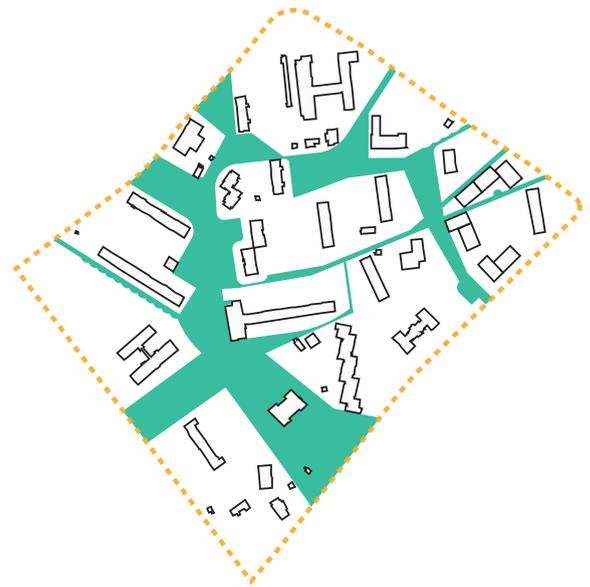
Магазины, кафе и другая коммерция — хороший аттрактор и стимул к развитию городского места, но в избытке она может быть опасна для хрупкой атмосферы повседневности. Работа над сюжетностью и сценографией городского пространства позволяет ярче проявить его характер, действуя при этом намного мягче и бережнее. Благодаря большей частью игровому (playscape) и природному наполнению создаваемое в жилой среде новое общественное пространство не приведет к разделению рыхлого квартала на независимые друг от друга части, а, напротив, усилит его целостность и преобразует в городской суперблок.

Перечисленные характеристики очень противоречивы и объединяют в себе черты и обжитого двора, и городской улицы — двух взаимопределяющих пространственных феноменов. Типология, отвечающая всем этим требованиям, — транзит, место, архитектура, ландшафт, двор и улица одновременно — дворулица. Дворулица — это двор для целого квартала, но улица для каждого его дома. Это пространство между жилыми домами в крупных кварталах на периферии социалистического города. Пустое и неухоженное сегодня, оно может быть реорганизовано и насыщено связями и смыслами.

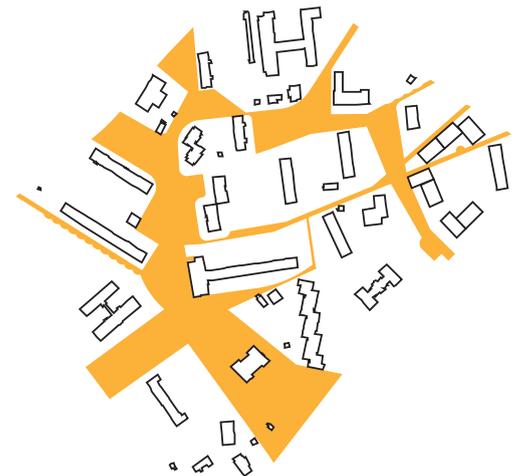
Дворулицы возникают в рыхлых, крупных, неплотно застроенных кварталах и структурируют их внутреннее пространство, выделяя участки разной степени открытости и приватности, устанавливая недостающие границы между пространствами различного типа и назначения, формируя многоступенчатую систему пространственных переходов. Дворулицы всегда дополнительные к основным элементам городской структуры. Они возникают в границах существующих красных линий, придавая форму и смысл пустым, неосвоенным участкам — зазору между улицами, домами и жилыми дворами. За счет небольшого масштаба, вариативности формы и наполнения такие пространства могут возникать повсеместно, легко встраиваясь в ткань города и качественно уплотняя его среду. Умышленная «слабость» множества таких локальных микроцентров, их умеренная насыщенность и неопределенность типологии защищают эти пространства от дальнейшей маргинализации, позволяют им действовать мягко и сохранять ценные качества повседневной жилой среды.

«Протаивание» — метод бережного и последовательного преобразования сложившейся жилой среды

Опыт развития уличной сети в таких городах, как Москва, Париж или Нью-Йорк, заставляет думать, что создание новой пространственной связи, новой улицы, непосредственно связано с насилием, разрушением, конфискацией земли и шумной стройкой. Однако образование нового, живого общественного пространства не всегда приводит к трансформации скульптуры города. Доказательством могут служить случаи превращения существующих городских улиц

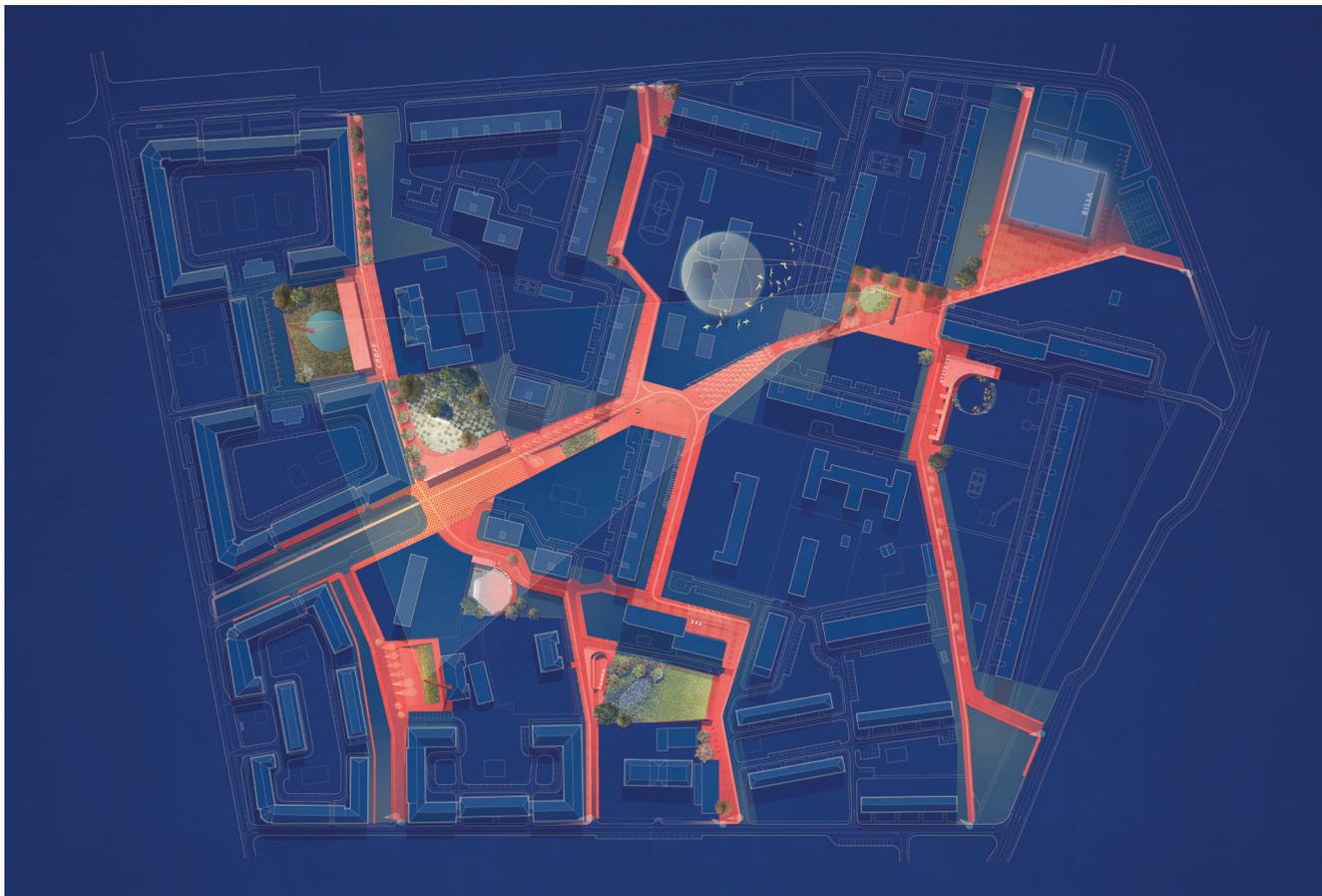
ДВОР для крупного квартала

УЛИЦА для каждого отдельного дома

Рис. 7. Диаграмма — принцип образования дворулицы

Источник: составлено А.А. Шляховой.

1) План дворулицы в Текстильщиках

2) Дневной вид Амфитеатра

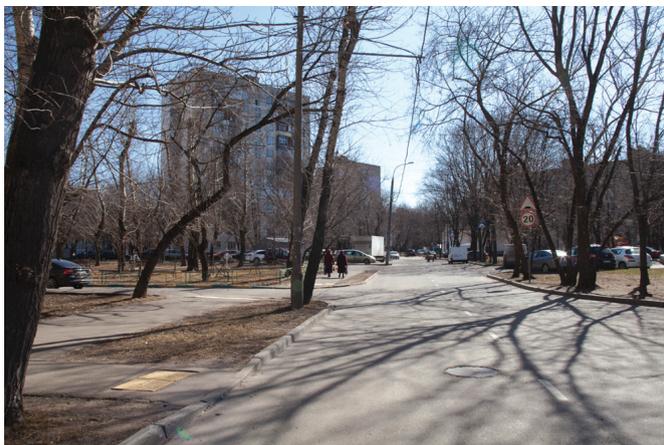
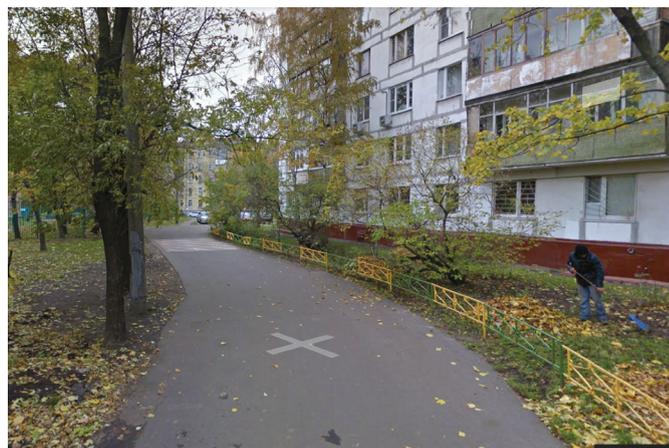
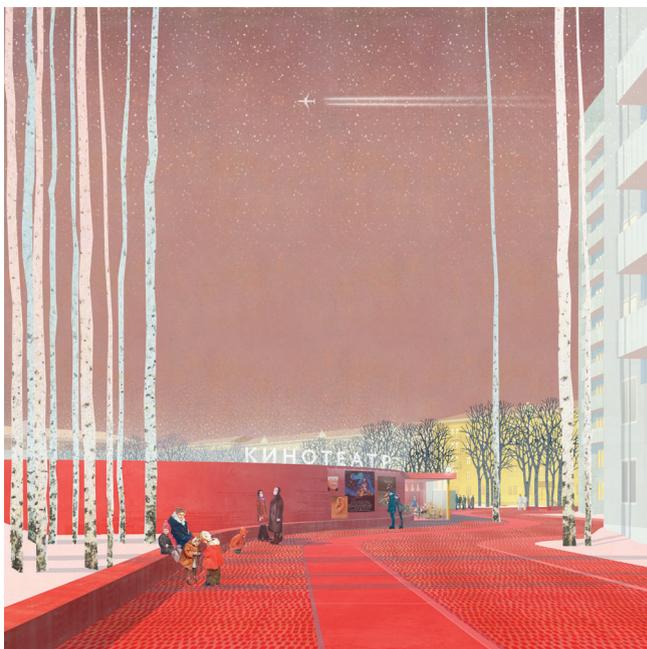

Фото © Алёна Шляховая

3) Вид на открытый кинотеатр с кафе

4) Вид на павильон «Спорт»

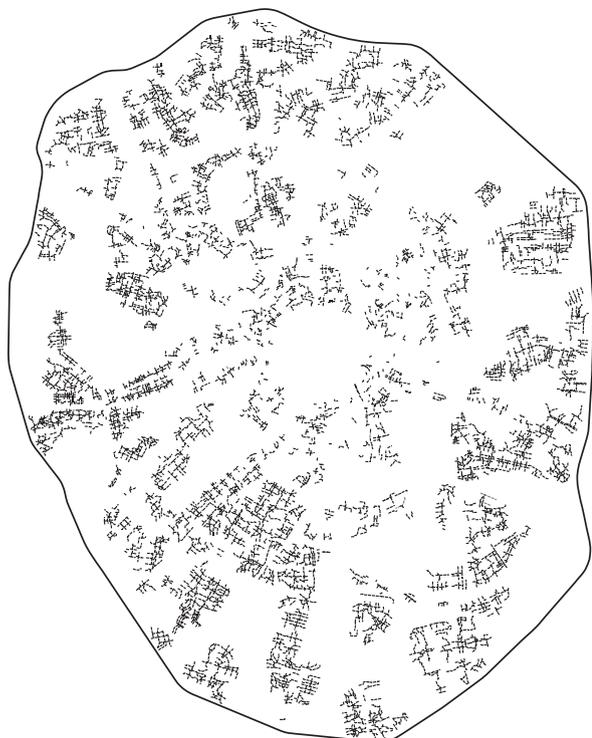

Фото © Алёна Шляховая

Рис. 8. Пример проекта дворулицы в Текстильщиках: общий план и виды отдельных маршрутов и павильонов

в пешеходные зоны. Другой, более интересный пример, — спонтанно возникающие в городской ткани улицы и площади, сформированные чередой киосков. Часто эти новообразования вырастают на пути от станций метро к жилым массивам, являясь произвольной «попыткой» окраин создать активное городское пространство там, где оно необходимо, но не предусмотрено.

Порой подобные дворулицам пространства возникают и в совершенно иных средах. В пример можно привести проект суперблоков в Барселоне [Cities of the Future, 2016] или возрождение «игровых улиц» в Великобритании [London Play] и Австралии [Play Streets Australia], а также подобные им woonerf — улицы-дворы в жилых районах, предназначенные

1) *Сеть возможных дворулиц – потенциальных новых улиц города*

2) *Сеть возможных дворулиц в существующей улично-дорожной сети города*

в основном для детских игр и пеших прогулок, традиционные для Голландии и Бельгии [Ben-Joseph, 1995]. В случае с этими городами дворулицы создаются путем преобразования уже существующих и закрепленных в красных линиях городских пространств, а не формированием и вычленением новых.

Определение очертаний дворулицы и вычленение территории для нее в общедоступном пространстве гиперквартала — одна из самых важных и сложных задач. Выявление и артикуляция в уже сложившейся среде наиболее активных маршрутов требуют осторожных и мягких действий. Важно учитывать особенности использования внутренней территории гиперкварталов жителями: сохранять существующие очаги активности, не разрушать укромные зоны, подчеркивать существующие сценарии использования и, если необходимо, аккуратно вводить новые.

Процесс образования в квартале дворулицы можно сравнить с «протаиванием» в городе новой улицы. Метод протаивания — метод создания новой выраженной пространственной связи на таком участке городской ткани, где ее появление необходимо, но создание городской улицы неуместно, не предусмотрено или невозможно из-за особенностей организации застройки. Проектирование подобной связи осуществляется поэтапно, на основе тщательного анализа выбранного фрагмента города.

Шаг 1. Функциональный анализ квартала и его ближайшего окружения

Необходимо собрать данные о назначении первых этажей зданий, о наличии и расположении игровых, спортивных и других площадок, объектов социальной и коммерческой инфраструктуры. Мягкие действия протаивания подразумевают бережное отношение к существующим в сложившейся жилой среде очагам активности, поэтому необходимо выявить и обжитые двory, особенно часто используемые скверы и другие локальные точки притяжения, зафиксировать характер их использования.

Шаг 2. Анализ передвижений

Важно проанализировать существующие в гиперквартале (и проходящих сквозь него) пешеходные маршруты, зафиксировать узловые точки перемещений, проанализировать работу общественного транспорта по периметру квартала, систему внутренних парковок и автомобильных подъездов. Множество спонтанно сложившихся тропинок и ходов — это, в каком-то смысле, произвольная попытка пешеходов упорядочить слабо структурированное пространство квартала. Будущая сеть новых связей образуется за счет артикуляции и выявления подобных маршрутов.

От их рисунка и будут зависеть форма и зонирование дворулицы.

Шаг 3. Выявление визуальных связей

Необходимо определить наиболее и наименее просматриваемые участки квартала, проанализировать ориентацию подъездов жилых зданий, наличие, характер и потенциал дворов, их расположение относительно входов в здания. Большую роль играет наличие и характер оград и других визуальных препятствий. Построение и анализ изофот помогает развить систему навигации в квартале, данные о широте и качестве обзора, открывающегося с основных проектируемых маршрутов, необходимы также и в работе над сюжетностью нового пространства.

Шаг 4. Определение осваиваемой территории

Дворулица занимает территории, находящиеся вне межевания, неосвоенные и никому не принадлежащие участки вдоль маршрутов, выявленных на предыдущем этапе метода. Чтобы определить возможную территорию проекта, необходимо провести анализ существующей в квартале структуры собственности на землю и выявить «свободные» для возникновения дворулицы участки.

Шаг 5. Зонирование

Необходимо разбить территорию проекта на более и менее активные, более и менее открытые или, напротив, укромные зоны, зафиксировать расположение основных площадей, количество и назначение функциональных блоков (павильонов, садов и т.д.), их взаимную связь.

Шаг 6. Установление границ

Необходимо структурировать пространство дворулицы и квартала в целом: установить границы между пространствами разного типа и назначения, определить их характер и проницаемость, обозначить линии воссоздания уличного фронта и его конфигурацию (рис. 7: метод протаивания; шаг 6, определение качества границ пространств)

Продумав границы, можно расширить систему вкладывающихся друг в друга, постепенно усложняющихся социально-пространственных городских структур, обеспечивая плавное вхождение человека в целое городское общество [Гутнов, 1984]. Дворулица, таким образом, является инструментом структуризации рыхлой среды на периферии города и разграничения приватной и публичной сфер, частных и общественных пространств.

Структура периферийной ткани в Москве сегодня

Структура ткани центра Москвы

Максимальный потенциал фрагментации: возможная структура периферии Москвы с развитием сети дворулиц

3) Потенциал увеличения связанности и проницаемости городской ткани

Рис. 9. Протаивание Москвы

Источник: составлено А.А. Шляховой.

Определяя границы дворулицы и характер вновь образуемых пространств, важно избежать дробления гиперквартала на отдельные, независимые друг от друга части. Границы в данном случае следует понимать не как преграды и препятствия, а скорее, наоборот, как зоны шва, стыка и соединения — линии контакта различных по характеру зон. Дворулица призвана стать общим для жителей гиперквартала местом, одной из первых точек отсчета городского пространства, новым большим двором для большого квартала.

Шаг 7. Дизайн

Необходимо разработать визуальный язык новообразованных пространств и единые принципы дизайн-кода. Этот шаг включает разработку различных вариантов мощения, выбор материалов и работу с их тактильными качествами, проектирование общих принципов навигации и вариантов освещения, дизайн павильонов, уличной мебели и других дополнительных элементов дворулицы.

С помощью дизайна, деталей, материалов и освещения можно решить множество других, важных для комфорта повседневной жизни задач. Среди них — безопасность и доступность среды, легкость и удобство передвижения различных групп горожан.

Метод протаивания обязательно включает также и анализ численности и состава населения гиперквартала, изучение особенностей использования его территории разными группами горожан. В процессе работы над проектом необходимо как можно чаще коммуницировать с жителями квартала, отслеживая и принимая во внимание их реакцию на преобразования.

В 1970–1980-е годы проекты, использующие похожий метод работы с городской тканью, создавались и для Москвы в виде предложений по реконструкции городского центра. Среди них вторая очередь реконструкции Арбата (так и оставшийся нереализованным проект преобразования жилых дворов) [*Строительство...*, 1979] и проект пешеходной зоны «Советская площадь — площадь Пушкина» [*Архитектура...*, 1991]. Последний представляет собой пешеходную улицу, возникающую в исторической застройке центра и открывающей жилые дворы. Маршрут, проходящий сквозь арки кварталов-колодцев, артикулируется с помощью дизайна и перепрограммирования первых этажей зданий.

Более современный пример — проход, проложенный недавно в 41-м квартале района Арбат [*В центре Москвы...*, 2013]. Пройдя сквозь «Романов двор», новая связь аккуратно соединила Воздвиженку и Большую Никитскую улицу, открыв для прохода внутреннее пространство уже не жилого квартала. Отличие подобных проходов от периферийных дворулиц — в характере наполнения и общем предназначении.

Заключение: эффекты дворулицы

Постсоциалистическое городское развитие диктует необходимость комплексной программы адаптации социалистических районов города к новым условиям. Опережающее развитие центра Москвы и ее новой периферии усугубляет положение внутренних районов между ТТК и МКАД. Их обновление возможно только при условии полного переустройства существующей среды, которое активизирует скрытые в ней потенциалы связанности и открытого пространства. Создать большое разнообразие форм и типов городских пространств может дворулица.

Создание пространств, подобных дворулице, в живой, функционирующей по своим, давно сложившимся правилам среде, затрагивает самые разные стороны городской жизни. Так, возникновение дворулиц в пространстве «между» зданиями невозможно без изменений в системе межевания городской земли. Появление подобных дворулице пространств может способствовать развитию местного самоуправления и укреплению городских сообществ, влияя при этом на традицию управления общественными благами и самим городским пространством. Дворулицы могут стать инструментом развития и планирования городской экономики, стимулируя рост частного предпринимательства и реорганизуя неэффективно используемые территории города, что требует переосмысления существующей налоговой системы.

Дворулица и ее возможные модификации, формируемые методом протаивания, способны предотвратить дискредитацию огромных пространств многих подобных Москве городов и позволят им стать более осмысленными. Возникая в границах существующих красных линий, дворулицы способны повысить связанность и проницаемость городской ткани, дополняя су-

шествующую улично-дорожную сеть города, резервируя землю для образования новых общественных пространств и, в будущем, для образования новых улиц. Постепенно протаивающая в городской ткани сеть дворулиц обладает огромным потенциалом к тому, чтобы стать «красными линиями второго порядка», а в будущем — частью привычной уличной сети, делая возможным органичное обновление города и формирование жилой среды желаемого качества.

Вместе с тем полноценная реализация потенциала дворулицы возможна только при использовании всех рычагов изменений городской среды. Создаваемые дворулицей удобные площадки для нового межевания должны быть поддержаны новыми экономическими и юридическими инструментами, регулирующими правоотношения собственников и города и создающими новые для России форматы отношений собственности.

Источники

- Азрикан Д., Беккер Г. (1986) Городское оборудование для Дигоми-7 // *Техническая эстетика*. № 10 (274).
- Археология периферии (2013) / под ред. Ю.Э. Григоряна. М.: МУФ.
- Архитектура. Работы проектных и научных институтов Москвы 1984–1988 гг. (1991) / под ред. И.Г. Бирюкова. М.: Стройиздат.
- В центре Москвы появится гастрономическая улица (2013) // Афиша. Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/infrastructure/127713-alleya-romanov> (дата обращения: 25.09.2016).
- Гройс Б. (2012) *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу*. М.: Strelka Press.
- Гутнов А. (1984) *Эволюция градостроительства*. М.: Стройиздат.
- Гутнов А., Глазых В. (1990) *Мир архитектуры. Лицо города*. М.: Молодая гвардия.
- Джекобс Дж. (2011) *Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство.
- Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь // *Логос*. № 3–4.
- Каганский В. (2018) Эксклюзив о московском «бублике» от теоретика-географа // *Семь искусств*. № 4 (97).
- Кормье Б. (2013) Культ центра и его последствия // *Археология Периферии* / под ред. Ю.Э. Григоряна. М.: МУФ. С. 42–49.
- Косарева Н., Новиков А., Полиди Т., Пузанов А. (2013) Равновесие в экономике неравновесного города // *Археология периферии* / под ред. Ю.Э. Григоряна. М.: МУФ. С. 408–430.
- Крашенинников А.В. (2014) Микропространства городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. № 4 (29). С. 32–48. Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/krasheninnikov/abstract.php> (дата обращения: 29.09.2018).
- Крашенинников А.В. (2017) Сценарное проектирование городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. № 4 (41). С. 242–246. Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/18_krasheninnikov/index.php (дата обращения: 29.09.2018).
- Линч К. (1982) *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Махрова А.Г., Татаринцева А.А. (2006) Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // *Региональные исследования*. № 3. С. 28–42.
- Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. (2012) Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. № 2. С. 26–31.
- Новиков А.В., Серова Е.И., Богоров В.Г. (2013) Самопознание города. Раздел «Данные» // *Археология периферии* / под ред. Ю.Э. Григоряна. М.: МУФ. С. 380–405.
- Оже М. (2017) *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.
- Паченков О. (2012) Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // *Новое литературное обозрение*. № 117.
- Перспективный план развития Москвы (1957).
- Пригов Д. (2007) *Разнообразии всего*. М.: ОГИ.
- Пузанов К., Степанцов П. (2015) *Механика Москвы. Исследование городской среды*. М.: МИСКП.
- Пятиэтажки Москвы. Режим доступа: <http://maxim.nextgis.com/resource/644/display> (дата обращения: 15.06.2017).
- Сайт проекта «Соседские центры». Режим доступа: <http://sosedi.center> (дата обращения: 15.01.2017).
- Сеннет Р. (2002) *Падение публичного человека*.
- Сеннет Р. (2016) *Плоть и камень*. М.: Strelka Press.
- Старая Москва. Инвентаризация (2011) // *Проект Россия*. № 62 (приложение).
- Строительство и архитектура Москвы (1979) № 9. С. 3–9.

- Улица: транзитная зона или пространство социальной жизни? // Московский урбанистический форум. Режим доступа: http://2016.mosurbanforum.ru/archive/forum2015/video_2015/ulica_tranzitnaya_zona_ili_prostranstvo_social_noj_zhizni/ (дата обращения: 25.09.2016).
- Урри Дж. (2012) Мобильности. М.: Практикс.
- Утехин И. (2013) Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города / Strelka. Сборник 2013. М.: Strelka Press.
- Яндекс. Район. Режим доступа: <https://yandex.ru/local/districts> (дата обращения: 25.09.2016).
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 87. No. 2. P. 113–129.
- Ben-Joseph E. (1995) Changing the residential street scene: Adapting the shared street (woonerf) concept to the suburban environment // *Journal of the American Planning Association*. Vol. 61. No. 4. P. 504–515.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // *Antipode*. Vol. 49. No. 2. P. 294–313.
- Cities of the Future (2016) Superblocks, Barcelona Answer to Car-Centric City. 21 July. Режим доступа: <http://www.citiesofthefuture.eu/superblocks-barcelona-answer-to-car-centric-city/> (дата обращения: 19.10.2016).
- Habidatum (2014) Emotions: Muscovites' Mental Geography. Режим доступа: <https://habidatum.com/projects/muscovites-emotions/> (дата обращения: 25.09.2016).
- Häussermann H. (1996) From the socialist to the capitalist city: experiences from Germany // *Cities after socialism: urban and regional change and conflict in post-socialist societies*. P. 214–231.
- Hirt S. (2012) Iron curtains: Gates, suburbs and privatization of space in the post-socialist city. John Wiley & Sons, 2012.
- Kulu H. (2003) Housing differences in the late Soviet city: the case of Tartu, Estonia // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 27. No. 4. P. 897–911.
- London Play. Режим доступа: <http://www.londonplay.org.uk> (дата обращения: 19.10.2016).
- Play Streets Australia. Режим доступа: <http://www.playstreetsaustralia.com> (дата обращения: 19.10.2016).
- Rudolph R., Brade I. (2005) Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. Vol. 22. No. 2. P. 135–150.
- Schneekloth L.H., Shibley R.G. (1995) *Placemaking: The art and practice of building communities*. Wiley.
- Shoshin S. Boundaries of public space in Moscow // Strelka research archive. Year one. 2010/2011. Режим доступа: <http://www.strelka.com/en/research/year/2010> (дата обращения: 25.09.2016).
- SmartLoc Geomarketing Company (2017) Исследование «Сколько людей живет в пятиэтажках?». 3 Marth. Режим доступа: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/rating/> (дата обращения: 15.06.2017).
- Sxelenyi I. (1996) Cities under socialism – and after // *Cities after socialism: Urban and regional change and conflict in post-socialist societies*. P. 286–317.
- Sýkora L., Bouzarovski S. (2012) Multiple transformations: Conceptualising the post-communist urban transition // *Urban Studies*. Vol. 49. No. 1. P. 43–60.
- Tosics I. (2005) City development in Central and Eastern Europe since 1990: The impacts of internal forces // *Transformation of cities in Central and Eastern Europe: Towards globalization*. P. 44–78.
- Whyte W. (1980) *The Social Life of Small Urban Spaces* (film).

ALENA SHLYAKHOVAYA, RUSLAN DOKHOV

DVORULITSA (YARDSTREET): A REBOOT METHOD FOR THE SEMI-PERIPHERY OF A POST-SOCIALIST CITY

References

- Archaeology of the Periphery (2013) / Y. Grigoryan (ed.). Mocsow Urban Forum. (In Russian)
- Arhitektura. Raboty proektnyh i nauchnyh institutov Moskvyy 1984–1988 gg. (1991) [Architecture. The work of design and scientific institutes in Moscow in 1984–1988] / I.G. Birjukov (ed.). Mocsow: Strojizdat. (In Russian)
- Augé M. (1995) Non-lieux.
- Azrikan D., Bekker G. (1986) Gorodskoe oborudovanie dlja Digomi-7 [Urban equipment for Digomi-7]. *Tehnicheskaja jestetika* [Technical aesthetics], no 10 (274). (In Russian)
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 87, no 2, pp. 113–129.
- Ben-Joseph E. (1995) Changing the residential street scene: Adapting the shared street (woonerf) concept to the suburban environment. *Journal of the American Planning Association*, vol. 61, no 4, pp. 504–515.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The Evolution of Neo-liberal Urbanism in Moscow, 1992–2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Cities of the Future (2016) Superblocks, Barcelona Answer to Car-Centric City. 21 July. Available at: <http://www.citiesofthefuture.eu/superblocks-barcelona-answer-to-car-centric-city/> (accessed 19 October 2016).
- Cormier B. (2013) Challenging the Cult of the Centre. *Archaeology of the Periphery* / Y. Grigoryan (ed.). Mocsow Urban Forum, pp. 42–49.
- Gutnov A. (1984) Jevoljucija gradostroitel'stva [Evolution of Urban Planning]. Mocsow: Strojizdat. (In Russian)
- Gutnov A., Glazychev V. (1990) Mir arhitektury. Lico goroda [The world of architecture. The face of the city]. Mocsow: Molodaja gvardija. (In Russian)
- Grojs B. (2012) Publichnoe prostranstvo: ot pustoty k paradoksu [Public space: from emptiness to paradox]. Mocsow: Strelka Press. (In Russian)
- Alena Shlyakhovaya**, “Dvorulitsa (Yardstreet)”, Meganom research program; 5A bldg. 1 Bersenevskiy lane, Moscow, 119072, Russian Federation. E-mail: shlyakhovayaa@gmail.com
- Ruslan Dokhov**, Department of the Human Geography of Foreign Countries, Lomonosov Moscow State University, R&D Lead at Habidatum; 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: ruslan.dokhov@habidatum.com
- Abstract**
- Post-socialist cities need a tool to work with the morphological structure they inherited from the socialist era. The location of semi-peripheral micro-districts between the gentrified center and booming suburbs exacerbates the need for a new strategy for their development. In this article, we consider a soft technique for transforming existing micro-districts and creating Yardstreets – complex, diverse spaces, shaping a second network that connects and organizes the visually loose spaces of micro-districts. A yardstreet-creation algorithm is given. Such planning transformation dramatically increases the connectivity and accessibility of urban spaces, unlocking opportunities for the development of a new urban economy.
- Key words:** yardstreet; post-socialist city; post-socialism; urban economy; urban morphology; urban planning
- Citation:** Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp31201840-62>
- Habidatum. Emotions: Muscovites' Mental Geography. (2014) Available at: <https://habidatum.com/projects/muscovites-emotions/> (accessed 25 September 2016).
- Häussermann H. (1996) From the socialist to the capitalist city: experiences from Germany. *Cities after socialism: urban and regional change and conflict in post-socialist societies*, pp. 214–231.
- Hirt S. (2012) Iron curtains: Gates, suburbs and privatization of space in the post-socialist city. John Wiley & Sons.
- Jacobs J. (1961) The Death and Life of Great American Cities. New-York, NY: Vintage.

- Kaganskij V. (2018) Jekskljuziv o moskovskom "bublike" ot teoretika-geografa [Exclusive about the Moscow "donut" from the theoretician-geographer]. *Sem' iskusstv*, no 4 (97).
- Kosareva N., Novikov A., Polidi T., Puzanov A. (2013) Balancing the Economy of an Unbalanced City. *Archaeology of the Periphery* / Y. Grigoryan (ed.). Mocsow Urban Forum, pp. 408–430.
- Kulu H. (2003) Housing differences in the late Soviet city: the case of Tartu, Estonia. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 27, no 4, pp. 897–911.
- London Play. Available at: <http://www.londonplay.org.uk> (accessed 19 October 2016).
- Lynch K. (1960) The image of the city. MIT Press.
- Makhrova A.G., Tatarinceva A.A. (2006) Razvitie processov dzhentrifikacii i rekonstrukcija gorodskoj srede centra Moskvy v postsovetskij period [The development of gentrification processes and reconstruction of Moscow city centre medium in postsoviet period]. *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no 3, pp. 28–42.
- Mahrova A.G., Golubchikov O.Ju. (2012) Rossijskij gorod v uslovijah kapitalizma: social'naja transformacija vnutrigorodskogo prostranstva [Russian town under capitalism: social transformation of intraurban space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija* [Moscow University Vestnik. Series 5: Geography], no 2, pp. 26–31.
- Novikov A.V., Serova E.I., Bogorov V.G. (2013) Self-Exploration of the City. *Archaeology of the Periphery* / Y. Grigoryan (ed). Mocsow Urban Forum, s. 380–405.
- Pachenkov O. (2012) Publichnoe prostranstvo goroda pered licom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i "zloupotreblenie publichnost'ju" [Public space of the city in the face of modern challenges: mobility and "abuse of publicity"]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], no 117. (In Russian)
- Perspektivnyj plan razvitija Moskvy (1957) [Perspective plan for the development of Moscow]. (In Russian)
- Pjatijetazhki Moskvy [Five-story building in Moscow]. Available at: <http://maxiMocsow.nextgis.com/resource/644/display> (accessed 15 June 2017).
- Play Streets Australia. Available at: <http://www.playstreetsaustralia.com> (accessed 19 October 2016).
- Prigov D. (2007) Raznoobrazie vsego [Variety of everything]. Moscow: OGI. (In Russian)
- Puzanov K., Stepancov P. (2015) Mehanika Moskvy. Issledovanie gorodskoj srede [Mechanics of Moscow. Study of the urban environment]. Moscow: MISKP. (In Russian)
- Rudolph R., Brade I. (2005) Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery. *Cities*, vol. 22, no 2, pp. 135–150.
- Sajt proekta "Sosedskie centry" [The web-site of the Neighborhood Centers project]. Available at: <http://sosedni.center> (accessed 15 January 2017).
- Schneekloth L.H., Shibley R.G. (1995) Placemaking: The art and practice of building communities. Wiley.
- Sennett R. (1978) The fall of public man. New York.
- Sennett R. (1994) Flesh and stone. W.W. Norton & Company.
- Shoshin S. Boundaries of public space in Moscow. Strelka research archive. Year one. 2010/2011. Available at: <http://www.strelka.com/en/research/year/2010> (accessed 25 September 2016).
- SmartLoc Geomarketing Company (2017) Issledovanie "Skol'ko lyudej zhivet v pyatietazhkah?". Available at: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/rating/> (accessed 15 June 2017).
- Staraja Moskva. Inventarizacija (2011) [Old Moscow. Inventory]. *Proekt Rossija* [Project Russia], no 62.
- Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy (1979) [Construction and architecture of Moscow], no 9, pp. 3–9.
- Sxelenyi I. (1996) Cities under socialism and after. *Cities after socialism: Urban and regional change and conflict in post-socialist societies*, pp. 286–317.
- Sýkora L., Bouzarovski S. (2012) Multiple transformations: Conceptualising the post-communist urban transition. *Urban Studies*, vol. 49, no 1, pp. 43–60.
- Tosics I. (2005) City development in Central and Eastern Europe since 1990: The impacts of internal forces. *Transformation of cities in Central and Eastern Europe: Towards globalization*, pp. 44–78.
- Ulica: tranzitnaja zona ili prostranstvo social'noj zhizni? [Street: a transit zone or a space of social life?]. Moscow urban forum. Available at: http://2016.mosurbanforumocsow.ru/archive/forum2015/video_2015/ulica_tranzitnaya_zona_ili_prostranstvo_social_noj_zhizni/ (accessed 25 September 2016).
- Utehin I. (2013) Publichnost' i ritual v prostranstve postsovetskogo goroda [Publicity and ritual in the space of the post-Soviet city]. *Strelka. Sbornik 2013*. Mocsow: Strelka Press.
- Urry J. (2007) Mobilities. Cambridge: Polity Press.
- V centre Moskvy pojavitsja gastronomicheskaja ulica (2013) [There will be a eating street in the center of Moscow] // *Afisha*. Available at: <http://www.the-village.ru/village/city/infrastructure/127713-allya-romanov> (accessed 25 September 2016).
- Whyte W. (1980) The Social Life of Small Urban Spaces (film).
- Yandex. District. Available at: <https://yandex.ru/local/districts> (accessed 25 September 2016).
- Zimmel' G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [Simmel G. The metropolis and mental life]. *Logos*, no 3–4.